

...И ВЕСЬ БЕЛЫЙ СВЕТ

Наташка-ромашка, ей Богу не вру,
Ты, словно ромашка, стоишь на ветру...

Наташка вызывающе тщательно закрывает окно. Слова песни, которую вот уж который день подряд, едва она приходит из школы, крутит на магнитофоне долговязый, да к тому же еще и рыжий парень, что живет в избе напротив, становятся тише. Зная, что он смотрит на нее, она демонстративно задерживает занавески, берет с подоконника тоненькую стопку ученических тетрадей и выходит из своей маленькой комнатки, в которой вот уже второй год после окончания педучилища живет у бабки Ефремовны — одинокой, доброй старухи, большой любительницы поговорить, попить чайку и погадать на картах.

— Снова магнитофону свою крутит? — любопытствует Ефремовна, когда Наташка входит в кухню.

— А ну его! — Наташка пренебрежительно машет рукой.

— Надоел уже.

— Ухажеры — они всегда надоедливы, — пряча улыбку среди частых морщин, говорит та. — Спасенья от них нет, иродов. Особенно ежели красивая. Пристанут, так хуже репейника: под ногами вертятся, на глаза так и лезут и слова разные говорят, а еще что... Мне вот давеча старик Матвей, что у водокачки живет, тоже камушек в окошко бросил.

— Почему «тоже»? — Наташка настороженно вскидывает голову.

— Да это я так... к слову, — торопливо отвечает Ефремовна, хотя сама несколько раз слышала, как стучался камушек в окно Наташкиной комнаты. Это я так, — Ефремовна обдергивает цветастый фартук, достает из картонной коробки рыжую луковицу, кладет на краешек стола дощечку, исполосованную порезами. — Ну, так вот... О чем это я? — она морщит лоб. — Ах, да! У меня поначалу-то сердечко так и ойкнуло, а как языком-то

своим провела, где зубы должны быть, рассердилась. Эка, подумала, что старый дурень затеял - завлекать!

Наташка, слушая, старательно вытирает тряпкой противоположный край стола, расстилает газету.

— Тетради дисциплинировать будешь? — интересуется Ефремовна, очищая луковицу от кожуры.

— Буду, — отвечает Наташка.

- Так чего здесь-то? Шла б в мою комнату, — советует Ефремовна.

Наташка отрицательно мотает головой, строго садится на табурет и бережно открывает первую тетрадку.

— Паразит! — Ефремовна вытирает тыльной стороной ладони когда-то синие, а сейчас цвета знойного неба глаза.

— Слезу выдавил.

— Светлана Ефремовна, — укоризненно говорит Наташка, не отводя глаз от тетрадки. — Я работаю...

— Бог в помощь, доченька, — Ефремовна разрезает луковицу на мелкие дольки. — Бог он...

— Бабушка?! — умоляюще восклицает Наташка, поднимая на нее покрасневшие от лука глаза. — Сделайте божескую милость...

— Ухожу, милая, ухожу, — Ефремовна расторопно ссыпает лук на большую черную сковороду, закрывает ее крышкой от кастрюли, моет руки, ворчит: — Ах ты, искуситель. Мало ему, что он всю мою молодость по кровинушке выпил, так он еще под старость камешки бросать надумал.

Я его, понимаешь, любила! а он к другой... Ох и поругаюсь я с ним сегодня в свое удовольствие, — ее морщинистое лицо расплывается в улыбке. — Помнишь, как я его прошлый-то раз отчихвостила?

— Нет, так просто невозможно! — сердито говорит Наташка.

— Все, милая, меня уже нетути, — Ефремовна суетливо снимает и вешает передник на спинку стула, приглаживает на голове седые редкие волосы, заглядывает в небольшое,

потускневшее от времени зеркало и на цыпочках уходит...

Окно кухни смотрит на запад. Там садится солнце. Оно чуть теплое и большое. Наташка, щури глаза, какое-то время смотрит на него, на подбирающееся к нему облако, вздыхает и внимательно, чуть шевеля подкрашенными губами, читает первую строчку заданного ею на дом ребятам сочинения «Что я видел во время летних каникул».

Если б такое сочинение задали ей там, в педучилище, она бы написала о том, что ничего не видела, что лето провела в деревне, потому что ей, детдомовской, ехать было некуда, потому что во всей стране ее никто не ждет. Написала бы, что в этом виноваты и они, преподаватели, потому что по распределению могли бы направить работать в какой-нибудь город, к примеру как Галку Арбузову.

Наташка вздыхает, смотрит в окно. Недавно она снова получила письмо от Галки. Та ей писала о том, как весело жить в городе, о дискотеках, театрах, музеях, парнях... А тут навязался какой-то рыжий молчун на голову выше ее. Танцы в клубе под пластинки да магнитофон.

Наташка снова глубоко вздыхает и склоняется над тетрадкой...

«Этим летом я вместе с папой и мамой ездила к дяде Васе. Он живет далеко-далеко. На берегу озера Байкал. Оно большое и вода в нем чистая-пречистая, как в нашем роднике, что живет невдалеке от заброшенной мельницы...»

Байкал! Наташка до боли закусывает губу. Ей до слез обидно от несправедливости жизни. Ее ученице всего лишь десять лет, а она уже видела Байкал. А ей, Наташке, скоро двадцать, а она дальше своей области и не бывала нигде...

Сочинение было коротеньким. Наташка давно заметила, что дети всегда пишут мало, уверенные в том, что их учительница видела куда больше их и что ей будет просто неинтересно читать. Наташка исправила строчную букву на заглавную, поста вила отметку «четыре» и взяла другую тетрадь...

Сашка Смирнов видел горы, Лиля Волкова — море и была в доме, где жил Чехов. Валя Дейдул была в Ясной Поляне и трогала рукой стол, за которым Толстой писал «Войну и мир». Димка Голышев был на Красной площади...

Стопка становилась тоньше. Наконец осталась одна последняя тетрадка — Васи Сулова, самого тихого и болезненного мальчика во всей школе. К нему даже самые задиристые мальчишки не приставали, зная, что в ответ увидят только слезы.

Этот мальчик, как и она, лето провел в деревне. Наташка часто видела его, одиноко шагающего по тихой в летнее время деревенской улице. При встрече с ней он опускал глаза, здоровался и густо краснел. Знала она и его мать — женщину с вечно усталым, озабоченным лицом, никуда не отпускающую от себя своего сына потому что двое ее первенцев померли несколько лет назад наевшись в лесу каких-то ягод, а муж утонул на лесосплаве.

Наташка открыла тетрадку, скользнула вой строчке, но споткнулась о вторую. «В это лето я видел весь белый свет», — было написано корявым мальчишеским почерком. Не поверив в прочитанное, она вернулась назад, затем еще и уж только потом стала читать медленно, вдумчиво, как заданный на дом трудный материал.

«Я живу у железнодорожной станции. У станции часто останавливаются разные поезда. Они стоят мало, потому что всегда куда-то спешат. Рядом со станцией, почти у моего дома, растет сосна — она никуда не спешит. Дядя Гриша, лесник, который часто приходит к нам в гости, мне сказал, что это самая старая и высокая сосна во всей тайге. Дядя Гриша никогда не врет. Об этом мне сказала мама. Однажды утром, когда мама ушла на работу, я залез на эту сосну...

Наташка, как и вся молодежь деревни, по вечерам часто ходила на станцию встречать поезда и видела эту сосну. Она и на самом деле была так высока, что ей, чтобы увидеть вершину,

приходилось придерживать рукой берет. Наташка представила там, на вершине, маленького, худенького мальчика и невольно вздрогнула.

..Забираться было очень трудно. Забирался я долго. На самую вершину я не залез, потому что ветки стали тонкие, а ветер стал сосну раскачивать. Но все равно я увидел всю тайгу — она темно-зеленая и очень строгая. Еще я увидел — далеко-далеко — маленькое, голубое пятнышко какого-то озера. Увидел железную дорогу, тоненькую и длинную-длинную. А еще я увидел трубы какой-то деревни — над ними поднимался голубой дым. Видел облака. Они плыли. Когда я на них смотрел, то мне казалось, что это не они плывут, а я и сосна. А наша деревня маленькая, но в ней много блестящих окон и дыма над трубами. Потом я спустился. Было очень страшно и кружилась голова. Но когда я встал на землю, мне стало очень весело, только ноги почему-то очень дрожали. Так я провел лето. Все».

Ошибок было очень много, но Наташка не стала их исправлять. Она взяла тетради, вернулась в свою комнатку, села на кровать и задумалась. Ей отчего-то очень захотелось сходить и снова посмотреть на эту сосну, которая никуда не спешит...

Вечер встретил ее прохладной мягкой тишиной. Она медленно сошла с крыльца, незаметно поглядывая в сторону избы напротив, постояла у калитки и неторопливо пошла к станции по широкой, наполненной запахом хлеба и голосами людей деревенской улице...

Сосна росла невдалеке от небольшого щитового дома, вцепившись в землю толстыми, корявыми корневищами. Она и па самом деле была очень высокой и огромной, и в ее огромности чувствовались величавость и достоинство.

А неподалеку от нее росли молодые сосны, которые смотрели на мир жадными глазами чешуек.

Наташка подошла к сосне, приложила ладонь к стволу — он был твердый и теплый.

Сама не зная почему, она обняла его, прижалась щекой и долго стояла так, не сводя глаз с деревни.